

От судеб Родины неотделим

Переломные моменты истории, как правило, способствуют рождению крупных художественных дарований. Человеку становятся как бы видны сразу два берега широкого потока, обе стороны бытия—одна, безвозвратно уходящая и отжившая, другая — возникающая и крепнущая час от часу. Появляется возможность сравнений и обобщений, провидческий взгляд гения открывает черты великого и прекрасного будущего. «Настоящий талант встречается редко,— отмечал Леонид Ильич Брежнев.—Талантливое произведение литературы или искусства—это национальное достояние». Таким национальным достоянием стала для нас поэзия Александра Александровича Блока.

Александр Блок — художественное явление огромной силы и размаха, соединяющее в себе русскую классику и новое советское искусство.

Он родился и вырос в семье, принадлежавшей к верхам русской академической интеллигенции. Домашнее образование, гимназия и университет последовательно обозначили детство, отрочество и юность поэта. К нему рано пришла известность. «Стихи о Прекрасной Даме» открыли перед ним двери лучших литературных издательств и редакций журналов. В начале зрелости он уже был автором многих блестящих стихотворений, поэм, пьес. Жизнь его, казалось бы, текла без внешних потрясений и катастроф.

Откуда же такой размах творчества, бесконечная глубина его поэзии? Александр Блок жил в эпоху войн и революций, тютчевская формула о «роковых минутах мира» может быть полностью отнесена к нему. Поэтическое бытие Блока вообрало в себя отголоски Порт-Артура и Цусимы, громы и раскаты первой мировой и гражданской войн. Оно освещалось всполохами 1905 года, заревами февральской и Октябрьской революций.

Все эти эпохальные события отложились в душе поэта, заставили тревожней биться сердце, зажгли взгляд провидческим вдохновением и пророче-

ской мудростью. Первым из крупных русских художников он прямо и безоговорочно ответил на главный вопрос, вставший перед людьми его круга, культурным слоем русских людей. В январе 1918 года на вопрос анкеты «Может ли интеллигенция работать с большевиками?» Александр Блок ответил: «Может и обязан».

Какие силы подвигли Блока так четко определить свою позицию в эти дни? Можно бы назвать немало таких сил, но, концентрируя внимание на главном, нужно выделить из них две—отрицательную и положительную, которые образовали одну равнодействующую в грозное время революции. Рождение этих сил в его душе надо отнести ко времени задолго до 1917 года, а развитие их происходило вместе с развитием его творчества.

Первая—сила отрицания—не сразу возникла в нем. Редко кто из поэтов вступал в жизнь исполненный таких чистых надежд и возвышенных мечтаний, как Александр Блок. Сама жизнь, однако, с жесткой требовательностью вырвала у его музы новые звучания. Читателям молодого поэта после «Стихов о Прекрасной Даме» было неожиданным встретить суровые строки «Фабрики»:

В соседнем доме окна желты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу все с моей вершиной:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.

«Фабрика» стала одним из первых стихотворений Блока, запрещенных царской цензурой. Поэт в шестнадцати строках, как бы мы сказали сейчас, провел четкий классовый анализ нового для себя явления. Впервые проснулась в нем сила отрицания: всей своей душой, всей художнической натурой, всем своим лирическим существом он возненавидел

этих недвижных, черных, смеющихся в «желтых окнах».

Ненависть к власти имущим Блок сохранил и упрочил в дальнейших стихах. Он не переносит слова «буржуазность», оно отвратительно ему и по звуку, и по содержанию.

Если под этим углом зрения перечитать стихи Блока, явится вся сила ненависти поэта к буржуазности и ее спутникам—мещанству. В трагично-прекрасной «Незнакомке» вы услышите «глетворный дух» этой буржуазной пошлости, когда

Вдали, над пылью переулочной,
Над скукой загородных дач,
Чуть золотится крендель булочной,
И раздается детский плач...
Буржуазная пошлость пока еще не в силах растоптать и погубить истинную красоту, воплощенную в Незнакомке,— «очи синие бездонные цветут на дальнем берегу»,— но дышавшая «духами и туманами» Незнакомка уже взята в порочное кольцо, разорвать которое может одна поэзия.

Что же уберегло поэта от глетворного духа буржуазности, обывденного и интеллектуального мещанства? Чутьем огромного художника Блок ощущал ненормальность жизненного уклада, окружавшего его со всех сторон, видел удивительную страну, которая навевала на него светлые мечты и надежды, возбуждала в нем вольные мысли и чувства.

Такой страной была Россия. Но не Россия самодержавная, имперская, официальная, а та, которую он носил в своем сердце.

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые—
Как слезы первые любви!
«...Тема о России... Этой теме я сознательно и бесспорно посвящаю жизнь,— пишет Блок.— Все ярче сознаю, что это — первейший вопрос, самый жизненный, самый реальный. К нему-то я подхожу давно, с начала своей сознательной жизни, и знаю, что путь мой в основном своем устремлении—как стрела, прямой... Несмотря на все мои уклонения, падения, сомнения, пока яния,—я иду».

Только вот эта Россия, с которой невозможное возможно

и «дорога долгая легка», могла спасти поэта от одиночества, замкнутости, самоуничтожения. Именно она могла в глущие годы подсказать ему опьяняющие своей жизненностью стихи:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю! тебя, жизнь!

Принимаю!
И приветствую звоном щита!
И теперь только с народом, в понимании его судеб и слиянии с народными судьбами он искал выход из тупиков «страшного мира». Характерно, что в пьесе «Песня Судьбы» лейтмотивом, выводившим ее героя из беспросветной снежной заводи, становятся некроуские «Коробейники».

Все глубже проникается Блок настроениями и ощущениями своего народа. Поэтом овладевает чувство неотвратимых свершений и перемен, и, тревожно томительное, оно выплескивается в знаменитом цикле «На поле Куликовом».

К началу революции Блок, пройдя все улицы и закоулки «города», все края и окраины «страшного мира», выходит в ту необозримую степь, над которой поднимается мотив некроуских «Коробейников» и огненными пламенами сверкают его собственные слова:

И вечный бой! Покой нам только снится...

К началу революции отрицательная и положительная линии—отказ от старого, отжившего и утверждение нового, революционного — четко очерчиваются в творческом сознании Блока.

С удивительной твердостью и последовательностью он безоговорочно принимает Октябрьскую революцию, и для на резкий разрыв со своими давними друзьями, читателями и почитателями среди буржуазной интеллигенции.

Октябрь слил художническое и политическое самосознание Блока в одно одухотворенное целое. И его ответ о возможности работы интеллигенции с большевиками был вполне закономерен: «Может и обязана».

В эти дни Александр Блок, по собственным словам, слушает «музыку революции»... Ее звучание наполняет бес-

смертные строки «Двенадцати». Чеканный шаг революционного патруля, воспетого гениальным поэтом, надолго определил ритм советской поэзии:

— Шаг держи революционный!
Близок враг неугомный!
Вперед, вперед, вперед,
Рабочий народ!

Строки его становились лозунгами: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...». Поэма «Двенадцать» стала гениальным творческим свершением революции, открыла собой первую страницу советской поэзии.

Мы с благодарностью и восхищением смотрим сейчас на послеоктябрьскую деятельность Блока. Чего стоят лживые и злобные рассуждения об угасании его таланта в эти годы! В поэзии с созданием «Двенадцати» он выполнил свою миссию, и после поэмы гений поэта открыл дорогу к революции через другие области человеческого интеллекта. Области, никак еще не пройденные и вновь открываемые в те дни. Ведь каждая из статей Блока, каждый из его докладов, каждая из его должностей были тогда первыми из первых. Он вместе с другими создавал первые культурные учреждения юной Советской власти. Он каждым своим поступком утверждал тогда эту власть, и все это, вместе взятое, вписывая в общую картину становления новой культуры победившего рабочего класса.

Устами поэзии Блок возвел трудящихся своей страны, рабочий народ.

Творчество Блока приобрело мировое значение. Поэма «Двенадцать» была переведена на многие языки. Великий Октябрь нашел в гениальном поэте своего пламенного выразителя. Интернациональные лозунги пролетарской революции зазвучали на языке поэзии.

Великий лирический поэт, безоговорочно поддержавший ленинское государство в самую трудную пору его становления,—таким остается Александр Блок в сознании советского народа.

Сергей НАРОВЧАТОВ.

Правда, 1980, 27 ноября.